

Елизавета УВАРОВА,
доктор искусствоведения

МЕТАМОРФОЗЫ ГЕННАДИЯ ХАЗАНОВА

В рассуждениях о сатире у нас нередко ссылались на формулу Маркса, что человечество, смеясь, расстается со своим прошлым. Но как бы мы ни смеялись (а на эстраде такого смеха предостаточно), это прошлое наложило нестираемую печать драматизма на наше настоящее и грозит трагическим расставанием с надеждами на будущее.

Бенефисы остались в прошлом. А жаль! Казалось бы, недавно начинавший, молодой артист Геннадий Хазанов, уже два десятилетия выходит на подмостки. Его бенефис мог бы дать представление не только о сложном пути, пройденном самим артистом, но и о поисках нашей разговорной эстрады, признанным лидером которой он стал.

Еще в школьные годы покоренный искусством А.И.Райкина, Геннадий Хазанов не переставал у него учиться. Не случайно именно его видел покойный артист своим продолжателем. Хотя, со свойственной ему мягкой иронией, однажды мимоходом заявил: "Дело в том, что у нас разные фамилии". Не

пытаясь здесь сравнивать двух больших артистов, представляющих разные поколения, хотя такое сравнение могло бы быть интересным не только с искусствоведческих позиций, отмечу то общее, что присуще им обоим: динамика развития, стремление к достижению новых, подчас дерзких целей, одержимость в творчестве, ярко выраженное личностное начало. Хазанов рано понял, нельзя впрямую подражать своему кумиру, что пытались делать на эстраде многие. Даже пародируя Райкина, он прежде всего осваивал его приемы, технику исполнения.

В начале своего пути, завоевав расположение зрителей удачно найденной маской студента кулинарного техникума,

которую он мог бы долго эксплуатировать, артист выходит на новый виток творческой биографии. Он создает спектакли "Мелочи жизни", "Очевидное и невероятное", привлекая балетную труппу, используя красочное оформление, костюмы, музыку, эффектные мизансцены. Сатирические монологи, пародии дружеские, в иных случаях злые, приобретают впечатляющую зрелищность. Но пройдет несколько лет, и Хазанов в одном из интервью скажет: "Нам говорят, что эстрада должна быть радостной, праздничной, зрелищной, и мы дошли здесь до бессмысленности: зрелищность сама по себе. Кто-то в свое время придумал, что эстрада - жизнеутверждающее искусство. А какое искус-

ство не жизнеутверждающее? Тогда это не искусство вообще". И взойдя на новую ступень, Хазанов решительно, как все, что он делает, отказывается от какой-либо "праздничной иллюминации".

Но магия театра, возможность создать целостное, развернутое действие продолжают привлекать артиста. На какое-то время в его творчестве сосуществуют две линии, представленные "Избранным" и "Масенькими трагедиями". Зрелищность, как таковая, отсутствует и в той, и в другой.

В "Избранном" артист общается с публикой, находясь на авансцене на фоне закрытого занавеса. Ему требуется только столик, стул, микрофон. Дружные взрывы смеха в зале следуют один за другим.

В "Масеньких трагедиях" сцена распахнута полностью, используется бутафория, костюмы, элементы сценографии, помогающие передать глубинный сюжет спектакля, его скрытый смысл. Прозвучавшая в прологе (используется отрывок из гоголевских "Выбранных мест переписки с друзьями") личная тема артиста о назначении сатиры, о трагическом мироощущении сатирика-труженика, прикованного к своей повозке, по-разному персонажируется в героях шести новелл. Зрителей, которые шли "на Хазанова", ожидая получить изрядную порцию смеха, ожидало разочарование. На протяжении "Масеньких трагедий" смех робко раздавался всего несколько раз. Артист как бы вступил в борьбу со смехом - главным орудием комика, иными словами в борьбу с самим собой, своей природой.

Эксперимент, каким стал спектакль "Масенькие трагедии", при всех издержках много дал артисту и, тем самым, полностью себя оправдал. Открыл ему запредельную область драматического, трагического, позволил сыграть (рассказать) не случай из жизни того или иного человека, а прожить судьбы нескольких разных людей.

Эстрадность Хазанова в постоянном открытом контакте с публикой, причем контакте не персонажа, а самого артиста, в "Масеньких трагедиях" приобрела более сложный опосредованный характер. Зрители, обескураженные новым Хазановым, слишком любили своего Гену, как ласково называют его в народе, чтобы в нем разочароваться. К тому же на телевидении, радио, в программе "Избранное" он предстал в прежнем качестве.

И еще один виток спирали. В интервью, опубликованном два года назад в "Советской культуре", Хазанов говорит: "Я окончательно убедился в том, что невозможно обмануть собственную актерскую природу. Я раб своего жанра, и в этом, оказывается, ничего трагического, как мне казалось порой, нет. Обязательно должно быть смешно, даже если по сути очень грустно".

Но декларации не всегда полностью соответствуют художественной практике. В "Избранном" как бы соединились два хазановских направления: комическое и трагическое, которое после "Масеньких трагедий" уже вошло в актерскую природу Хазанова. И когда артист читает (именно читает, сидя за столом, то и дело обра-

щаясь к лежащему перед ним тексту) "Послание" М.Горьдского - вариант современной антиутопии - зрительный зал надолго затихает. Вслед за автором Хазанов размышляет о драматизме нашего настоящего, о тотальной бездуховности народа как результате пережитого и переживаемого, о будущем, отнюдь не соответствующем привычному эпитету "светлое". Не случайно "Послание" долго сохранялось в репертуаре артиста и позднее перешло на телеэкран.

Хазанов создал свой театр "МОНО", работающий в прекрасном зале Дворца молодежи. Зарубежные поездки, а последнее время артист много ездил, изменили его внешний облик. Он выглядит "американизированным", вероятно, не только благодаря костюму, прическе, но и за счет какой-то приобретенной внутренней "респектабельности", благополучности. Ушло в прошлое ощущение "своего парня", которое еще недавно было одной из существенных черт хазановского имиджа. Исчез на первый взгляд и герой "Масеньких трагедий" - труженик, впряженный в свою сатирическую повозку.

Но по сути, артист - тот же труженик. Мне довелось убедиться в этом дважды, с интервалом в полтора месяца, посмотрев спектакль театра "МОНО" "Вчера, сегодня, завтра".

На первый взгляд он остался прежним. Тот же "игровой" выход Хазанова на сцену, как бы "примерка" к публике и публике к артисту. Тщательно, как пианист за концертным роялем, усаживается он в свое кресло, хотя в дальнейшем большую часть времени будет находиться на авансцене. Как правдивый докладчик снимает с руки часы, переключает и пересчитывает страницы рукописи, то лукаво поглядывая на публику, то как бы полностью погружаясь в свое дело. Игра выглядит импровизацией и, разумеется, какие-то детали возникают импровизационно, но общий сценарий и мизансцены остаются неизменными. "Дело было вечером" - неожиданно (несмотря на долгую подготовку) начинается он веселый рассказ "Погоня" М.Горьдского о возвращающихся домой Кукуеве и Мамаеве, подозревавших друг в друге бандита. Абсурдность ситуации доводит артист до предела и незамысловатый по сюжету рассказ, отражающий до боли знакомую повседневность, как и другие хазановские вещи, приобретает второй план.

Учитывая законы восприятия, Хазанов разнообразит форму. Это может быть и построенный на репризах диалог с участием нескольких персонажей - "Собрание" Л.Измайлова и монолог в образе "Многострадальца" сказки А.Левина, "Австралийский фермер в колхозе" Л.Измайлова и В.Чебуркова и рассказ ("Не умеешь жить - не живи" С.Альтова), в котором "оживают" десятки персонажей, и легкое, ненавязчивое пародирование, когда публике доставляет удовольствие сам момент узнавания персонажей ("Лев и одноклассный тигр" С.Альтова). Используются все возможные арсенал выразительных средств: тембр голоса, мимика, пластика, ритм, мизансцена. Из подсобных средств только кресло (в соответствии с новым имиджем

заменившее простой стул), столик, страницы с текстами или просто чистые листы бумаги, старомодный микрофон на стойке. Располагая возможностями приобретения современной техники, Хазанов, видимо, сохраняет этот микрофон как выразительное средство, важное в общем решении программы и отдельных ее частей.

Это общее решение, как упоминалось, остается неизменным. Но за месяц с небольшим разительно изменилось содержание. Метаморфозы Хазанова продолжаются. В то время, как главной темой наших сатириков остается политика, Хазанов решительно от нее отходит. Митинги, партии, заседания Верховных Советов, требования "отставки" - все это ушло. Политику заменили школьные анекдоты - "Проверка" (Л.Песок), бытовые рассказы "Салон" М.Горьдского, упоминавшийся "Не умеешь жить - не живи" С.Альтова.

Бедственное состояние всего общества, его бездуховность - внутренняя, сквозная тема спектакля. Политики приходят и уходят. Народ остается. Озлобленность, трусость, подозрительность, зависть и другие пороки, взлелеянные нашим прошлым, махрово расцвели в настоящем. Не случайно в репертуаре артиста сохраняется и идет в финале монолог С.Альтова "Уделал". Я слышала его раньше, года два назад. Тогда он показался мне грубоватым, излишне прямолинейным. Не знаю, вошел ли он сегодня органичнее в общий контекст программы, стала ли тоньше и точнее работа артиста, но монолог "махрового одноклассного" хама звучал угрожающе и страшно.

В рассуждениях о сатире у нас нередко ссылались на формулу Маркса, что человечество, смеясь, расстается со своим прошлым. Но как бы мы ни смеялись (а на эстраде такого смеха предостаточно), это прошлое наложило нестираемую печать драматизма на наше настоящее и грозит трагическим расставанием с надеждами на будущее.

Об этом спектакль Хазанова "Вчера, сегодня, завтра".

"Разговорная" эстрада в том виде, как она сложилась во многом благодаря Райкину, явление типично русское. Английские и американские комики, изредка появляющиеся на наших телеэкранах, как правило, шутники, развлекатели. Их программы содержат эксцентрики, клоунаду, неприятный юмор. Этот юмор далеко не всегда вызывает у нас душевный отклик. В свою очередь, серьезная "проповедническая" интонация наших комиков во многом чужда другим национальным культурам. "Я улыбаюсь учил страну, но лишь разучился сам", - напишет Фаизов Искандер. Трагической маской обернулось к концу жизни веселое искусство Райкина. Сохраняя верность своему комическому, развлекательному жанру, Геннадий Хазанов волею или неволью вносит трагизм в постоянно изменяющийся спектакль "Вчера, сегодня, завтра".

Фото Л.Шерстенникова

